

Александр Парнис
Институт мировой литературы РАН
aparnis@yandex.ru

Alexander Parnis
Institute of World Literature of the RAS
aparnis@yandex.ru

ХЛЕБНИКОВ — МАЯКОВСКИЙ — МИТУРИЧ: К ИСТОРИИ ОДНОГО КОНФЛИКТА¹

KHLEBNIKOV — MAYAKOVSKY — MITURICH: ABOUT THE HISTORY OF THE CONFLICT

Публикуемая статья посвящена конфликту, который возник между Хлебниковым и Маяковским весной 1922 года. Сам Хлебников упоминает о нем в финале своей последней сверхповести *Зангеzi*. Прошло почти сто лет. Хотя многие исследователи и биографы поэтов писали об этом конфликте, но подлинная его причина до сих пор была неясна. В статье собраны уникальные материалы и документы, хранящиеся в различных архивах, которые впервые вводятся в научный обиход. Например, документы из архива Н. И. Харджиева (ныне в РГАЛИ), который многие годы был «закрытым» и недоступным для исследователей. Тщательный анализ всех этих документов позволил нарисовать объективную картину этой загадочной «истории» и поставить точку над «i».

Ключевые слова: конфликт, Хлебников, Маяковский, П. В. Митурич, Р. О. Якобсон, Открытое письмо, рукописи, финал, ничевоки, сверхповесть *Зангеzi*.

The article is dedicated to the conflict, which arose between Khlebnikov and Mayakovsky in the spring of 1922. Khlebnikov himself mentioned the conflict in the finale of his last super-story *Zangezi*. It has been almost 100 years. Although numerous researchers and biographers of the poet have written about this conflict, the real reason has remained unclear to this day. The article contains original materials and documents, kept in various archives, which are for the first time used for scientific purposes, e.g. documents from the archives of N. I. Hardzhiev (now in RGALI), which was for many years “closed” and inaccessible to researchers. A comprehensive analysis of all these documents made it possible to create an objective picture of this mysterious history and to put an end to “and”.

Keywords: conflict, Khlebnikov, Mayakovsky, P. V. Miturich, R. O. Jakobson, open letter, manuscripts, finale, nichevoki, super-story *Zangezi*.

¹ Первоначальную редакцию настоящей статьи см.: Парнис 2019: 67–84.

Илл. 1. Земенков Б. Обложка сборника ничевоков «Собачий ящик». Кн-во «Хобо». М., 1923 [1922]

28 июня 1922 г. в 9 часов утра в глухой новгородской деревне Санталово скончался выдающийся русский поэт, глава будетлян Велимир Хлебников.

В конце июня этого года в Москве вышло его итоговое произведение — сверхповесть *Зангези*, в финале которой есть откровенный намек на Маяковского с грубым выпадом против него.

В июле-августе 1922 г. в журнале *Красная новь* была напечатана статья-некролог Маяковского о Хлебникове, в которой он от своего имени и от имени своих соратников-футуристов назвал его «одним из наших поэтических учителей» (Маяковский 1922: 303–306).

19 августа этого года душеприказчик Хлебникова художник П. В. Митурич, у которого в Санталове на руках умер поэт, написал «Открытое письмо Маяковскому», в котором обвинял его в «утаивании» и даже в уничтожении

(!?) рукописей своего старшего друга и соратника.

Автор Письма послал его в Москву и Петроград своим друзьям и знакомым, которые предприняли несколько безуспешных попыток напечатать его в центральной печати. И только через несколько месяцев, в декабре 1922 г., «Открытое письмо» Митурича было напечатано небольшим тиражом (75 экземпляров) в виде листовки-приложения к сборнику ничевоков *Собачий ящик*².

Чем были вызваны эти резкие выпады Хлебникова и Митурича против Маяковского? А главное — какова причина конфликта между поэтами-соратниками?

Эти вопросы до сих пор так или иначе остаются открытыми. Более того, с «Открытого письма» Митурича и его обвинений, выдвинутых против Маяковского, началась травля поэта, которая продолжалась несколько лет — до 1928 года.

Почти все исследователи, а также критики и мемуаристы, пишущие о взаимоотношениях Маяковского и Хлебникова, неизбежно упоминают о конфликте, который возник между поэтами в последние месяцы жизни главы будетлян в Москве — в апреле-мае 1922 года. Например, в новой биографии Маяковского, написанной Дмитрием Быковым (она вышла пятью

² К сборнику *Собачий ящик* была приложена листовка-вкладыш с текстом П. В. Митурича «Открытое письмо Маяковскому».

изданиями), этому эпизоду в жизни поэта посвящено несколько страниц (Быков 2018: 260–276). Автор биографии, не разобравшись в этой сложной «истории», искажил известные факты, но так и не понял, где «собака зарыта». Он безапелляционно заявил, что негативные «отношения Хлебникова с Маяковским и его кругом в значительной степени были результатом хлебниковского душевного расстройства» (Там же: 264). Быков, вероятно, исходил из слов Маяковского в некрологе, что Хлебников в последние месяцы жизни стал очень «подозрительным» и крайне обидчивым. Такое утверждение Быкова не имеет никаких оснований и абсолютно неверно, причины были явно другие, но этот вопрос, действительно, очень сложный, и в нем не так легко разобраться.

Искусствовед М. А. Чегодаева в книге *Заповедный мир Митуричей-Хлебниковых* (2004) также описывает эту «историю» и заявляет, что «конфликт Хлебникова с Маяковским стал (и остается по сей день) предметом многочисленных комментариев и нападок. В кругу Маяковского обвиняли Митурича в том, что он якобы поссорил Хлебникова с Маяковским, хотя факт пропажи рукописей никем не опровергался» (! — А. П.; курсив мой — А. П.) (Чегодаева 2004: 393). Автор книги показала поразительную неосведомленность: вопрос о «пропаже рукописей» был прояснен уже давно — еще в середине 1920-х годов — почти все рукописи Хлебникова, кроме нескольких текстов, были найдены и введены в научный обиход.

О непростых отношениях Хлебникова с Маяковским в последние месяцы жизни главы будетлян рассказал сам Митурич в своих воспоминаниях, написанных в 1942—1943 годах (Митурич 1997). Весной 1922 г. художник, сблизившись с Хлебниковым (до этого они встретились лишь один раз — в декабре 1915-го или в январе 1916 г. в Петрограде), стал принимать активное участие в его делах, но он был крайне ревнивым и авторитарным человеком, и, как впоследствии выяснилось, серьезно повлиял на взаимоотношения поэтов-соратников.

Художник Митурич приехал в Москву 13 марта 1922 года. Он сразу же написал письмо Хлебникову, который жил в общежитии студентов ВХУТЕМАСа на Мясницкой, 21 и которого он разыскивал целый год. В ответном письме Митуричу от 14 марта Хлебников сообщал: «Я в Москве уже два месяца. Я читал Ваше письмо и от всей души сочувствую покорению неба, хотя распределение в воздухе осей силовых и весовых у летающего тела — область, где еще не ступала нога моего разума, и я как язычник за порогом этого храма. Я строю здание только из троек и двоек и написал много заметок и отдельных мест» (Хлебников 2006, 6/2: 213).

Вскоре Митурич сблизился с поэтом и стал принимать деятельное участие в его судьбе и в решении различных бытовых проблем, так как во время последнего приезда в Москву Хлебников не имел постоянного жилья и кочевал с одной квартиры на другую, а также не имел никакого заработка. В это же время художник напечатал небольшим тиражом литографским способом два *Вестника Велимира Хлебникова*, связанных с по-

следним трудом поэта *Доски судьбы*, и стал предпринимать различные шаги по изданию других его произведений. Сам Хлебников в марте-апреле 1922 г. подготовил и сдал в печать сверхповесть *Зангези* и первый лист *Досок судьбы*. К этим изданиям, несомненно, имел непосредственное отношение и Митурич. 14 мая 1922 г. Митурич увез Хлебникова в деревню Санталово, где преподавала его жена и где через полтора месяца поэт скончался.

После смерти Хлебникова в распоряжении Митурича оказался весь архив главы будетлян, поэтому он не только волею судьбы стал душеприказчиком поэта, но и был вынужден заниматься его издательскими проектами. Будучи неискушенным в литературных вопросах и не зная всех проблем, связанных с творческой судьбой Хлебникова, он все же понимал, что его, увезшего поэта в глухомань, где не было никакой медицинской помощи, будут, вне сомнения, обвинять в смерти Хлебникова, поэтому Митурич тогда же, в августе 1922 г., сам пошел в наступление и объявил Маяковскому и его окружению «войну» — написал «Открытое письмо» с резкими выпадами против адресата (Митурич 1997: 37–39). В нем он сумбурно излагал свои претензии и обвинения, но это был первый «откровенный» жест Митурича, направленный против певца революции и против футуристов:

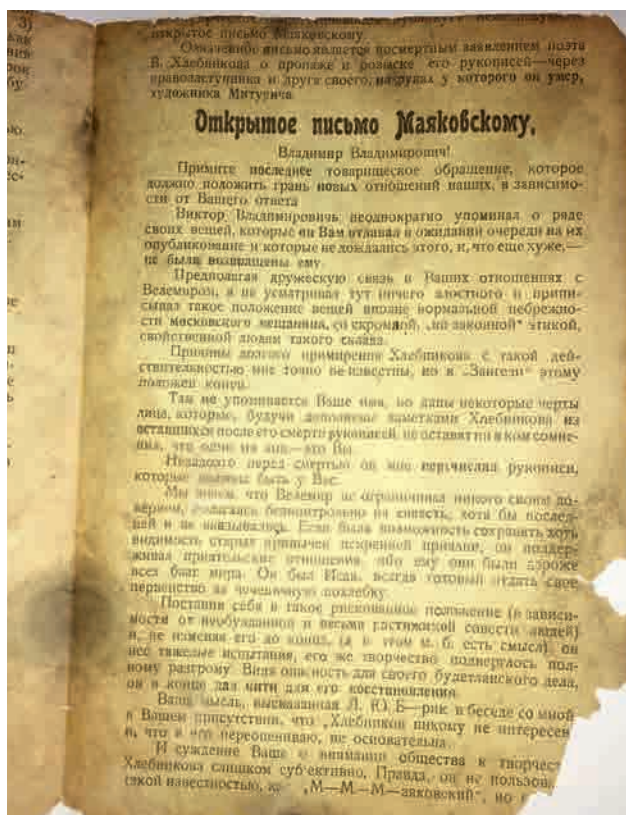
«Незадолго перед смертью он <Хлебников — А. П.> мне перечислял рукописи, которые должны быть у Вас. Мы знаем, что Велимир не ограничивал никого своим доверием, полагаясь бесконтрольно на совесть, хотя бы последней не оказывалось. Если была возможность сохранить хоть видимость старых привычек, искренней приязни, он поддерживал приятельские отношения, ибо ему они были дороже всех благ мира. Он был Исаа, всегда готовый отдать свое первенство за чечевичную похлебку. Поставив себя в такое рискованное положение (в зависимости от необузданной и весьма растяжимой совести людей) и не изменяя его до конца (в этом, может быть, есть смысл), он нес тяжёлые испытания, его творчество подвергалось полному разгрому. Видя опасность для своего будетлянского дела, он в конце концов дал нити для его восстановления» (Там же: 38).

Это было только начало, как сообщал Митурич в неизданном письме к Н. Н. Пунину от 3 сентября 1922 г.: «Примите к сведению мое письмо Маяковскому — это первый выстрел по футуристам, за ним нужно ожидать и другие»³. Что толкнуло художника Митурича, душеприказчика поэта, на этот рискованный шаг — вопрос сложный, запутанный и требующий тщательного анализа⁴.

К вопросу об отношениях Маяковского и Хлебникова обратился также биограф первого поэта революции В. А. Катаян в написанных в конце

³ Письмо хранится в семье Н. Н. Пунина. Цитирую по копии, сделанной Н. И. Харджиевым.

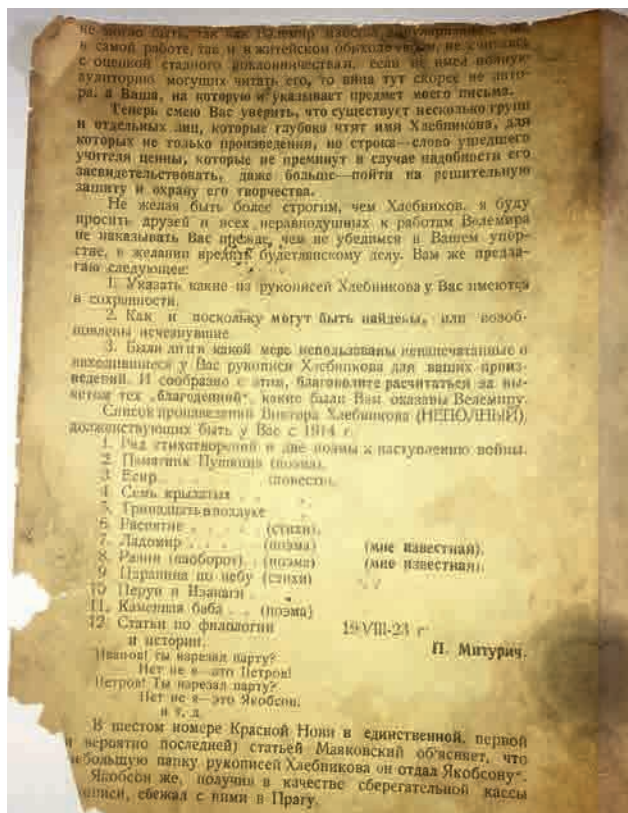
⁴ Митурич до конца жизни продолжать верить в свою версию. Его сын, племянник поэта, художник М. П. Митурич-Хлебников придерживался этой же версии. Автор этих строк имел с ним во время юбилейных Хлебниковских торжеств в Астрахани в 1985 г. очень «трудный» разговор на эту тему, но переубедить его не удалось. Как ни странно, эта версия до сих пор варьируется в разных работах о Хлебникове и Маяковском.

Илл. 2. П. Митурич. Открытое письмо Маяковскому. Листовка (приложение) к сборнику ничевоков «Собачий ящик». М., 1923 [1922] (экземпляр сб. из архива Р. П. Абиha, найденного мною в подвале дома в Баку, в котором жили его родственники). С. 3

своей жизни мемуарах и названных им *Не только воспоминания* (Катанян 1999: 163–174). Он собрал материалы о встречах поэтов-соратников в последние месяцы пребывания Хлебникова в Москве весной 1922 г. и пытался выяснить причины, почему Митурич написал «Открытое письмо», обвинив Маяковского в плагиате и укрывательстве рукописей Хлебникова. Катанян пытался нарисовать полную и объективную картину скандальной «истории», возникшей весной 1922 г., но ему не удалось довести ее до логического конца, так как не все материалы и документы он смог разыскать.

Профессор В. П. Григорьев в своем капитальном труде о Хлебникове *Будетлянин* (2000) продолжал обвинять Маяковского в том, что он в последние годы жизни главы будетлян относился к нему якобы без должного внимания и пиетета и даже с откровенной «завистью». Григорьев во второй раз перепечатал в этой книге свою раннюю критическую статью «Маяковский в “зеркале судьбы” Хлебникова» (Григорьев 2000: 550–559), в которой он обвинял первого певца революции во всех смертных грехах. Кроме того,

Илл. 3. То же. С. 4

к этой теме он обращался и в других своих работах. В них он с характерной для него «бойцовской» энергией и пафосом уличает Маяковского в «обмане» (?), «измене» (?) и «предательстве» (?) своего старшего друга и единомышленника Хлебникова. Маяковский якобы «так и не вернул, продержав у себя три года, как было твердо договорено (?! — А. П.), из множества врученных ему рукописей 10-х годов» (Там же: 553–554). Трудно понять «логику» и причину таких безапелляционных и абсурдных обвинений Григорьева, который хорошо знал все обстоятельства этой «истории». Как известно, в конце марта 1919 г. у Маяковского уже не было никаких рукописей Хлебникова — все рукописи, которые у него ранее находились, он передал Р. О. Яковсону и самому Хлебникову для работы над однотомником поэта, который он пробил (см. об этом далее). Кроме того, Григорьева не убедили даже авторитетные свидетельства Г. О. Винокура и Р. О. Яковсона о том, где находились рукописи Хлебникова после отъезда первого в 1920 г. в Ригу, а второго тогда же в Прагу. Эти два свидетельства были зафиксированы в записных книжках Маяковского и были опубликованы Катаняном через много лет — в его *Хронике Маяковского* (Катанян 1985: 550). Григорьев хо-

рошо знал этот источник (в монографии он не раз ссылался на 5-е издание книги *Хроники* Катаняна), как и другие источники, но в своей версии он безоговорочно доверился пристрастным и «обличительным» заявлениям художника Митурича, сделанным им еще в 1922 г. в «Открытом письме». Маяковский у Григорьева неожиданным образом превратился в «злого негодяя» и завистливого «врага» автора *Зангези*.

Чем вызваны такие «убийственные» обвинения Григорьева, выдвинутые им против Маяковского? Автор *Будетлянина* не мог не знать, что в советские времена Хлебникова печатали только благодаря Маяковскому. Певец революции был своеобразным «паровозом», который тащил за собой не только главу будетлян и других футуристов, но и продолжал быть верным этой дружбе до последних дней своей жизни. За месяц до своей смерти, 7 марта 1930 г., Маяковский участвовал в вечере памяти Хлебникова (Там же: 489). Даже после смерти Маяковского, в годы борьбы с формализмом, а также в послевоенные застойные годы Хлебникова печатали в основном благодаря певцу революции. Однако Григорьев почему-то продолжал настаивать на своей версии.

Как отреагировали на эти обвинения, предъявленные Маяковскому, его близкие друзья и соратники? Свидетельств сохранилось, к сожалению, очень мало. Среди них отзывы лингвистов Р. О. Якобсона и Г. О. Винокура, а также соавтора и издателя Хлебникова А. Е. Крученых. Последний вспоминал об этом эпизоде в предисловии к *Неизданному Хлебникову* в 1931 г.:

«А где же рукописи <?> Никто толком не знал, а Хлебников вполне естественно очень волновался и подозрительность его “питалась туманом неизвестности”. Кажется, в этом тумане Хлебников и умер. И только после его смерти Роман Якобсон, которому, оказывается, были переданы рукописи для редактирования, прислал из-за границы в Москву ключ от сейфа, в котором хранились рукописи Хлебникова и, приблизительно, в 1923 г. <так! — А. П.> они были благополучно извлечены, часть материала напечатана в “Лефе”, а остальная передана лингвисту Г. Винокуру для редактирования предполагавшегося издания творений Велимира. Истинная причина гибели Хлебникова — не потеря рукописей, а эти, вечно предполагавшиеся и не осуществлявшиеся издания, которые его страшно нервировали и загнали в деревню, где он сильно простудился и, от недостатка медицинской помощи, скончался...» (Крученых 1934: 3)

Наконец, Н. И. Харджиев в так называемом неизданном «Завещании», которое он написал в последний год своей жизни в Амстердаме и которое сейчас готовится к печати⁵, упомянул, что очень сожалеет, что не успел написать об этом конфликте. Он считал, что необходимо дать «правильную интерпретацию» финалу *Зангези* и «реабилитировать» Маяковского. В последние месяцы жизни он работал также над статьей, которую он назвал «История одного обвинения» (вариант — «История одной подделки»), но ко-

⁵ «Завещание» Н. И. Харджиева готовится к изданию в 4-м томе *Архива Н. И. Харджиева*.

торуую он не успел закончить — сохранились лишь черновики этой работы. В ней он назвал Митурича «злым гением» поэта и написал, что очень огорчен, что ценнейшие архивные материалы и документы об этом конфликте, собранные им, остались в Москве, а без них он не может восстановить полную картину скандальной «истории»⁶. После объединения двух частей архива Харджиева — амстердамской и московской (ныне находятся в РГА-ЛИ) — некоторые важные документы пока не удается обнаружить.

В «Завещании» Харджиев подвел итог, в котором он сформулировал основные положения своей незаконченной статьи «История одной подделки», над которой тогда работал:

«...под воздействием [бесконечно преданного ему] того же Митурича отношение Хлебникова к Маяковск<ому> резко изменилось. <...> Это заставило Хлебникова изменить финал сверхповести “Зангези”, которая была “собрана” и закончена до приезда Митурича в Москву (а не с его помощью, как утверждает в своем предисловии к пятитомнику Степанов). В <отбро>шенном Хлебниковым первоначальном беловом тексте [заключительной части] финала <чудовищно-абсурдное> обвинение Маяковского в уничтожении рукописей несомненно отсутствовало. Об этом свидетельствует и [беловой] автограф “Зангези”, где заключительная часть написана *другими чернилами*. *А первоначальный беловой текст финала был уничтожен (если не самим Хлебниковым, то Митуричем)*. Такова истинная история финала “Зангези”» (курсив мой — А. П.; РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 37).

На чём основано такое категорическое утверждение Харджиева, трудно понять — оно требует тщательного анализа и изучения всех источников, однако сделать это в настоящее время не представляется возможным по разным причинам.

Действительно, в конфликте между Хлебниковым и Маяковским, произошедшем в конце весны 1922 г., до сих пор не все до конца ясно, а главное — не выявлена подлинная его причина. В настоящей работе предпринимается попытка окончательно разобраться в этой запутанной «истории».

Чтобы понять, почему Митурич всё-таки выступил против Маяковского, необходимо, прежде всего, восстановить точную хронологию событий, связанных с последним пребыванием Хлебникова в Москве. Необходимо собрать все документы и материалы, относящиеся к этому вопросу, а также выяснить, когда и главное — кем был написан последний вариант финала *Зангези*, а также существовала ли авторская верстка сверхповести. И если она сохранилась, то где она находится. И только тогда можно будет поставить точку над «i».

⁶ Вероятно, Харджиев имел в виду переписку Митурича с различными лицами (Н. Н. Пуниным, А. Н. Андриевским, Рюриком Роком, С. П. Исаковым и другими), связанную с «Открытым письмом». По свидетельству С. В. Митурича, к сожалению, утрачены (или уничтожены?) страницы с 10 по 13 мая 1922 г. из неизданного дневника П. В. Митурича (последние дни пребывания Хлебникова перед отъездом в Снталово, которые на многое могли бы пролить свет). Об этой «истории» писала также Т. М. Горяева в статье «Н. И. Харджиев и В. В. Маяковский», в которой она напечатала факсимиле двух редакций «Открытого письма Маяковскому» (Горяева 2019: 420–429).

Как известно, Маяковский испытал большое влияние Хлебникова на свое творчество, и наоборот — его поэтическая система повлияла на поэтику главы будетлян. Маяковский не был двуличным лицемером и «варваром», каковым считал его Митурич. По версии художника, получается, что с одной стороны, Маяковский назвал Хлебникова в некрологе своим «учителем» и «Колумбом новых поэтических материков», а с другой — якобы «уничтожал» его рукописи. Разумеется, такого быть не могло, и это плод фантазии Митурича.

Маяковский, рассказывая в некрологе о своих отношениях с Хлебниковым, дал своему другу не только высокую оценку — «наш учитель», но и сделал крайне важное уточнение, которое многое объясняет: «Я знаю Хлебникова двенадцать лет» (Маяковский 1959, 12: 27). И далее он добавил: «Хлебникова любили все знающие его» (Там же: 28). Эти слова Маяковского говорят сами за себя.

Однако Хлебников в одном из своих последних программных произведений свержповести *Зангези*, сданной в типографию, вероятно, в марте-апреле 1922 г. и вышедшей в конце июня, в четырех финальных строках совершенно неожиданно и откровенно намекает, что в них идет речь о бывшем друге и соратнике Маяковском, который якобы уничтожил его рукописи:

Поводом было уничтожение
Рукописей злостными
Негодьями с большим подбородком
И шлепающей и чавкающей парой губ.
(Хлебников 2004, 5: 353)

Вне сомнения, характеристика «злостного негодяя с большим подбородком» в финале *Зангези* навеяна последней строкой трагедии Маяковского *Владимир Маяковский*: «мясистыми рычагами шлепающих губ» (Маяковский 1955, 1: 169). Разумеется, Хлебников легко мог вспомнить эту финальную строку ранней трагедии, но помнил ли ее Митурич — сказать трудно.

О пропаже своих стихов Хлебников метафорически упоминал также в стихотворении «Всем», написанном в последние месяцы своей жизни:

Ах, жемчуга с любимых мною лиц
Узнать на уличной торговке!
Зачем я выронил эту связку страниц?
Зачем я был чудак неловкий?
Не озорство озябших пастухов —
Пожара рукописей палац, —
Везде зазубренный секач
И личики зарезанных стихов.
(Хлебников 2001, 2: 393)⁷

⁷ Здесь этот текст печатается по копии (без даты). Автограф стихотворения «Всем», находившийся у С. П. Исакова, вероятно, утрачен.

Откуда у Хлебникова возникли эти «чудовищные» подозрения и обвинения? Когда возник конфликт между поэтами и что же на самом деле произошло между поэтами весной 1922 года? И наконец, почему сам Хлебников не мог спросить у Маяковского, куда делись его рукописи, переданные ему еще в 1919 году?

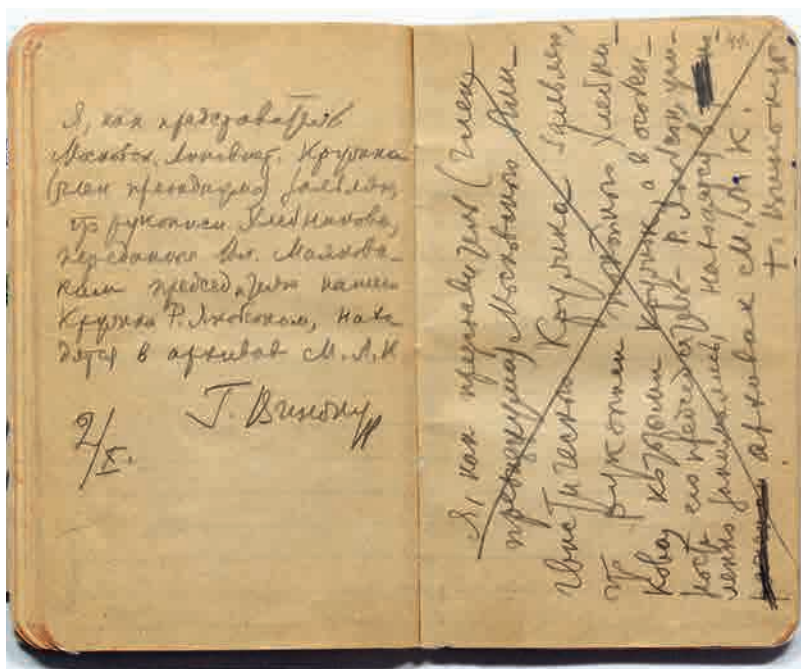
Чтобы окончательно разобраться с этими вопросами, необходимо вернуться к предыстории «хождения» Письма в Москве и в Петрограде. Но сначала следует остановиться на одном литературном событии, которое произошло еще при жизни Хлебникова и которое имело непосредственное отношение к настоящему «сюжету».

В начале 1922 г. Маяковский организовал в Политехническом музее три вечера под названием «Чистка современной поэзии» (19 января, 17 февраля и 24 марта). На этих вечерах он сделал критический обзор, условно говоря, почти всей русской поэзии начала XX века, он дал оценку представителям различных направлений и школ (символистам, акмеистам и небольшим группировкам), включая даже своих соратников-футуристов. Вне сомнения на этих «чистках» присутствовал и Хлебников. О последнем вечере 24 марта, на котором милиция арестовала Митурича и Хлебникова, художник вспоминал в своих мемуарах (по гипотезе художника, это была провокация, устроенная якобы Маяковским)⁸.

Когда же сам Маяковский познакомился с этим Письмом Митурича? Скорее всего, это произошло в *сентябре* 1922 г., когда Письмо появилось и ходило в списках в Москве и в Петрограде. Оно сразу же вызвало большой скандал и на него нужно было каким-то образом реагировать. Необоснованные обвинения Митурича, конечно же, очень оскорбили Маяковского — он видел и понимал всю абсурдность этих нападок, но пока решил не отвечать душеприказчику Хлебникова и не вступать с ним в открытую полемику, так как у него на руках не было никаких доказательств для опровержения этих нелепых обвинений. Поэту необходимо было выяснить некоторые обстоятельства, связанные с этим письмом и собрать различные материалы и, прежде всего, установить и понять причину возникновения обвинений.

В это время Маяковский сам стал выяснять судьбу рукописей Хлебникова, которые глава будетлян передал ему несколько лет назад. В некрологе о Хлебникове, написанном в июле-августе 1922 г., он вспоминал: «Года

⁸ В опубликованной редакции мемуаров П. В. Митурича (Митурич 1997) был купирован этот эпизод с арестом его и Хлебникова, произошедший на «третьем» вечере «Чистки» Маяковского в Политехническом музее (24 марта 1922 г.), а также предварительный разговор художника с поэтом, который здесь приводится по рукописному тексту воспоминаний: «Когда мы собирались еще дома у Велимира, я предвидел подобный разговор и просил Велимира перечислить мне названия его вещей, которыми располагает портфель Бриков. Их оказалось 12 крупных вещей и более. Из них мне были известны только три, остальные они мне не показывали, несмотря на многократные просьбы показать все, что у них имеется». Однако «Брики» отмалчивались по простой причине — никаких рукописей Хлебникова у них не было: Маяковский передал их, как он упоминает в некрологе, Р. О. Якобсону для работы над однотомником Хлебникова ещё в 1919 году.

Илл. 4. Запись Г. О. Винокура, сделанная 2 октября 1922 г. в записной книжке Маяковского (№ 14). Архив Государственного музея В. В. Маяковского, Москва.

три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей (Хлебниковым была передана мне небольшая папка путанейших рукописей, взятых Яковсоном в Прагу, написавшим единственную прекраснейшую брошюру о Хлебникове)» (Маяковский 1959, 12: 27).

Однако, как впоследствии выяснилось, это было не так — рукописи Хлебникова остались в Москве и находились в сейфе лингвистического кружка (Лубянский проезд, дом Стахеева, бывшая квартира родителей Р. О. Яковсона — ныне музей Маяковского). Эти сведения удалось установить самому Маяковскому тогда же — осенью 1922 года.

Перед второй поездкой за границу, буквально накануне прощального вечера, который состоялся 3 октября в московской консерватории, Маяковский встретился и разговаривал об этом Письме Митурича со своим знакомым, членом Московского лингвистического кружка Г. О. Винокуром, который располагал некоторой информацией. Поэт попросил его рассказать о том, что ему было известно о судьбе рукописей Хлебникова и задокументировать скандальную «историю». Любопытно, что на этой встрече поэт и лингвист не только беседовали, но и, вероятно, выпивали. Об этом косвенно свидетельствует прежде всего «неровный» стиль записей Винокура, нечеткость формулировок и даже допущенные им «ошибки» в текстах. Настоящая гипотеза очень важна для понимания всей ситуации анализируемого «сюжета».

Итак, в записной книжке Маяковского (№ 14), относящейся к 1922 г., Винокур оставил запись об этой «истории». Вернее, две записи: сначала он сочинил первый вариант, который его, или Маяковского, чем-то не устроил, и он его отбросил (перечеркнул), а затем написал второй вариант, в котором он подчеркнул, что рукописи Хлебникова Якобсону передал именно Маяковский, и поставил дату — 2 октября. Здесь приводятся два варианта записей — черновой и окончательный, так как некоторые дополнительные «мелочи» представляют определенный интерес.

Черновой вариант:

Я, как представитель (член президиума) Московского Лингвистического Кружка, заявляю, что рукописи покойного Хлебникова, которыми Кружок, а в особенности его председатель — Р. Якобсон, усиленно занимались, находятся в [распоряжении] архивах (так! — *А. П.*) М.Л.К.

Г. Винокур <1922> (Архив 14)⁹.

Окончательный вариант:

Я, как представитель Московск<ого> Лингвист<ического> Кружка (член президиума), заявляю, что рукописи Хлебникова, переданные Вл<ади- миром> Маяковским председателю нашего Кружка Р. Якобсон<у>, находятся в архива<х> М.Л.К.

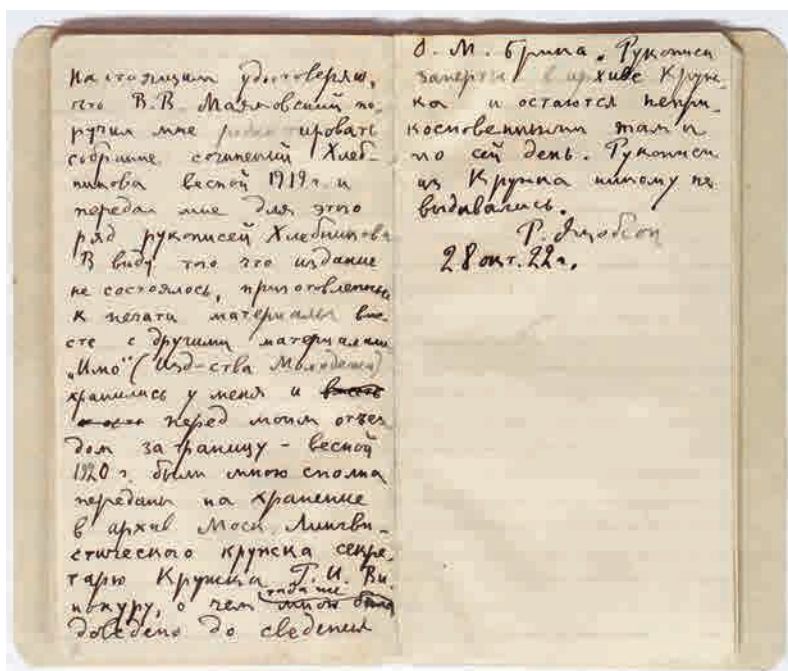
Г. Винокур. 2/X <1922>.

А где находился этот архив или архивы кружка, Винокур не уточнил. Через несколько дней после этого вечера, Маяковский выехал за границу. В Берлине он встретился со своим другом Р. О. Якобсоном и рассказал ему о скандальном Письме Митурича и обвинениях, выдвинутых против него. Маяковский попросил Якобсона подтвердить рассказ Винокура и уточнить, где действительно находятся рукописи Хлебникова. Якобсон сделал запись в рабочей книжке поэта (№ 18), в которой подробно рассказал об этой «истории» и все поставил на свои места:

Настоящим удостоверяю, что В. В. Маяковский поручил мне редактировать собрание сочинений Хлебникова весной 1919 г. и передал мне для этого ряд рукописей Хлебникова. Ввиду того, что издание не состоялось, приготовленные к печати материалы вместе с другими материалами «Имо» (Изд-ва молодежи) *хранились у меня [и вместе с остальными] перед моим отъездом за границу — весной 1920 г. были мною сполна переданы на хранение в архив Моск<овского> Лингвистического Кружка секретарю Кружка Г. И. <так! — А. П.> Винокуру, о чем мною было тогда же доведено до сведения О. М. Брика (курсив мой — А. П.).* Рукописи заперты в архиве Кружка и остаются неприкосновенными там и по сей день. Рукописи из Кружка никому не выдавались.

Р. Якобсон. 28 окт<ября> <19>22 г<ода> (Архив 18).

⁹ Приношу сердечную благодарность В. Н. Терехиной, предоставившей мне эти фотографии из записных книжек Маяковского (№ 14, № 18), хранящихся в Государственном музее Владимира Маяковского. «Имо» — правильно: «Искусство молодежи».

Илл. 5. Запись Р. О. Якобсона, сделанная 28 октября 1922 г. в записной книжке Маяковского (№ 18). Архив Государственного музея В. В. Маяковского, Москва

Через много лет Р. О. Якобсон в воспоминаниях, записанных Б. Янгфельдтом (1977), вернулся к этой «истории»:

Это было в Берлине, когда мне нужно было устроить так, чтобы нашлись рукописи Хлебникова — это была идиотская история, которая, конечно, взорвала Маяковского и очень обозлила его. Он не помнил, что случилось с рукописями, ничего об этом не знал. На самом деле он был совершенно ни при чем. История была такова.

Я боялся за рукописи Хлебникова. Квартира моих родителей была, после их отъезда, передана Лингвистическому кружку. Там стояли ящики с книгами Кружка, были полки, и остался без употребления несгораемый шкаф отца. В этот несгораемый шкаф я положил все рукописи. Там были и другие вещи, в частности, мои рукописи.

После смерти Хлебникова я получил от художника Митурича письмо [с просьбой] помочь [выяснить], что сделал Маяковский с рукописями Хлебникова. Я совершенно растерялся. Я знал, что к этому Маяковский никакого касательства не имел. Он их в руках не держал, кроме того случая, о котором я рассказывал, когда он их просто на месте прочел. Я сейчас же [из Праги] написал своим друзьям из Кружка, в частности, Буслаеву, которому я дал ключ от шкафа. А он ключа не мог найти. Тогда я сообщил, что прошу вскрыть шкаф — пусть его уничтожат, мне до этого дела нет. Мне написали, что это будет стоить большую сумму. Я ответил, что все заплачу, и послал деньги каким-то путем. Вскрыли шкаф и нашли рукописи. Они все сохранились. Что не сохранилось — потому что не находилось в шкафу — это были

мои книжки с сочинениями Хлебникова, где он своей рукой вносил поправки, частью заполняя пропуски.

Никогда не бывало, чтобы Хлебников говорил резко о ком-нибудь (курсив мой — А. П.). Он был очень сдержан и очень, так сказать, сам по себе (Якобсон 2012: 72–73).

Известно, что на первом вечере «чистки», 19 января, Маяковский подверг уничтожающей критике также и группировку ничевоков (Рюрик Рок и другие), которые выступили на нем с чтением своих стихов и манифеста. Возможно, что Маяковский говорил о ничевоках и на других вечерах. Крученых вспоминал об этом вечере: «Стихи ничевоков Маяковский “расчистил” и вынес резолюцию, в которой, между прочим, заявил: “Принудить их три месяца бегать для меня за папиросами”» (Крученых 1996: 135)¹⁰.

Они были очень уязвлены «чисткой» Маяковского и несомненно искали возможность «ответить» ему. Наконец, они «ответили» ему через несколько месяцев, когда уже Хлебников умер и когда в литературной среде Москвы «ходило» обличительное «Открытое письмо» Митурича — в декабре 1922 года.

Глава ничевоков Рюрик Рок, оскорбленный Маяковским, написал Митуричу 22 сентября 1922 г. письмо, в котором он поддержал его обвинения, выдвинутые против будущего главы ЛЕФа, и предложил свою помощь в распространении и публикации этого Письма: «Ваше открытое письмо к Маяковскому Андриевский передал нам для печатанья, так как знал, что мы сделаем все возможное к немедленному напечатанью, т<ак> к<ак> кой-какие связи к этому есть. Сейчас я должен Вам отметить прежде всего, что ни один печатный орган напечатать письмо не рискнул, поэтому мы решили поместить письмо в нашем сборнике»¹¹. Однако, эта попытка напечатать Письмо Митурича затянулась на три месяца.

Впервые ничевоки (Р. Рок и другие) открыто выступили против Маяковского на его вечере в московской консерватории 3 октября 1922 г., накануне отъезда поэта в Берлин. На своем прощальном вечере Маяковский читал поэму *V Интернационал* и говорил о целях поездки. Ничевоки, выступившие на этом вечере, не только «ответили» на критику Маяковского, прозвучавшую на его первой «чистке» в их адрес, но и неожиданно прочитали «Открытое письмо Маяковскому», в котором Митурич обвинял его в «злостном сокрытии творений В. Хлебникова» (Галушкин 2006, 1/2: 554). Это публичное выступление ничевоков против Маяковского вызвало скандал, и поэт не мог на него не отреагировать. Тем более, что еще совсем недавно, в августе 1922 г., он в некрологе Хлебникову от своего имени

¹⁰ В связи с этим см. также: *Шугаева* 1928: 3.

¹¹ Где в настоящее время хранится письмо Р. Рока Митуричу — неизвестно, цитирую по ксерокопии, сделанной во время работы в архиве Stedelijk Museum (Амстердам). А. Н. Андриевский (1899–1983) — кинорежиссер, один из создателей стереокино в СССР. Встречался с Хлебниковым в Харькове и в Москве, автор воспоминаний о нем, написанных по моей просьбе «Мои ночные беседы с Хлебниковым» (*Дружба народов* 1985, № 12: 228–242), адресат поэмы «Председатель чеки» (*Новый мир* 1988, № 11: 147–152).

и от имени соратников-футуристов назвал Хлебникова «нашим учителем». Маяковский ответил своим обвинителям резко и достойно, но они не успокоились...

С этого первого выступления ничевоков, т. е. с 3 октября 1922 г., и началась фактически травля Маяковского, которая продолжалась несколько лет. Маяковский уехал за границу на два месяца, а знакомые и друзья Митурича решили поменять тактику борьбы с ним и предприняли новые шаги. Рюрик Рок решил, как сказано выше, напечатать его в групповом сборнике *Собачий ящик*. После возвращения Маяковского из-за границы, ничевоки снова стали выступать с чтением этого Письма на его вечерах. Обвинители Маяковского не успокоились даже тогда, когда рукописи Хлебникова нашлись — в январе 1924 г. был вскрыт сейф лингвистического кружка, и в нем было обнаружено большое число рукописей Хлебникова. Значительная часть из них была тогда же опубликована (в *Русском современнике*, 1924, №4, и в других изданиях). Митурич и его друзья знали о находке рукописей — художник сделал об этом запись в своем дневнике, но неожиданная находка не изменила его негативного отношения к Маяковскому.

В 1926–1927 гг. на вечерах Маяковского стал появляться поэт-«оригиналист» Альвэк (И. С. Израилевич), знакомец Митурича и автор двух поэтических сборников (до второй мировой войны в СССР было популярно танго «Утомлённое солнце», вольный перевод с польского Израилевича, композитор — Ежи Петербургский) и стал публично обвинять его в плагиате. В 1926 г. он написал памфлет, направленный против Маяковского и Асеева, — «Нахлебники Хлебникова». Через год он издал сборник, в котором напечатал этот памфлет вместе со стихами Хлебникова, а также включил в него скандальное «Открытое письмо Маяковскому» Митурича и свои стихи, причем на обложке поместил портрет умирающего поэта его же работы (Хлебников 1927: 17–19). Альвэк неоднократно выступал на вечерах Маяковского со скандальными заявлениями, направленными против главы «ЛЕФа», и распространял на них свой сборник с манифестом «Нахлебники Хлебникова» (Рябова 1993: 234).

Илл. 6. Хлебников В. Всем; Ночной бал.
Альвэк. Нахлебники Хлебникова:
Маяковский — Асеев. М., 1927.

Последний раз Альвэк выступил на вечере Маяковского 20 октября 1927 г. в Политехническом музее, где поэт читал поэму *Хорошо!* А. Крученых вспоминал об этом, где он говорил о себе в третьем лице:

Вечер закончился «скандалом»: появился Альвэк с навязчивой мыслью о плагиате и стал просить слова, помахивая при этом книжкой «Нахлебники Хлебникова». Маяковский, грозя ему пальцем, сказал гневно: «Я выдеру вас за уши в ближайший же день вашего существования». Крученых стал отнимать у Альвэка книжку «Нахлебники Хлебникова» и энергично подталкивать его к двери. Милиционер завершил изгнание Альвэка из зала. А в это время Маяковский документально доказывал публике абсурдность обвинений Альвэка. Соответствующую оценку поступка Альвэка Маяковский поставил на общее голосование и утвердил её (Крученых 1996: 154)¹².

В свидетельстве Крученых необходимо подчеркнуть оценку ответа Маяковского — «документально доказывал». Скорее всего, поэт прочел свидетельства Г. Винокура и Р. Якобсона из своих записных книжек, рассказал о находке рукописей Хлебникова в сейфе лингвистического кружка и доказал абсурдность этих обвинений. Травля Маяковского прекратилась, вероятно, только в 1928 г. после опубликования в *Новом ЛЕФе* статьи В. Силлова «Шапочный разбор лесов» (см. подробнее об этом далее).

Но прежде всего следует рассказать о взаимоотношениях Хлебникова и Маяковского в последний московский период главы будетлян.

О замысле *Зангези* Хлебников писал Маяковскому ещё 13 декабря 1921 г.: «Думаю писать вещь, в которой бы участвовало все человечество, 3 миллиарда, и игра в ней была бы обязательна для него. Но обыкновенный язык не годится для вещи и приходится создавать новый шаг за шагом» (Хлебников 2006, 6/2: 204; с ошибкой в дате).

Весной 1922 г. отношения между поэтами были, как известно, вполне дружескими. Сам Маяковский вспоминал об этом в некрологе: «Он часто приезжал в Москву, и тогда, кроме последних дней, мы виделись с ним ежедневно» (Маяковский 1959, 12: 27).

В последний раз Хлебников приехал из Пятигорска в Москву 28 декабря 1921 г., и это пребывание в столице растянулось на четыре с половиной месяца — до его отъезда в Санталово. Глава будетлян рассчитывал, что Маяковский поможет ему издать однотомник его сочинений, запланированный ещё в 1919 г. в издательстве «ИМО». На следующий день после приезда, 29 декабря, Хлебников вместе с Маяковским, Крученых и В. Каменским выступил на литературном вечере во ВХУТЕМАСе. Сохранился рассказ Крученых об этом вечере:

Это был единственный вечер, когда одновременно выступили Маяковский, Хлебников, В. Каменский и я. На эстраде, вместо декорации, висел огромный плакатный портрет Маяковского, сделанный вхутемасовцами. Аудитория принимала всех выступавших, как любимых поэтов, восторженно.

¹² См. об этом также: Шаламов В. Т. *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*. М.: Эксмо, 2004: 52–54.

Даже Хлебникова слушали очень внимательно, и поэтому тихий голос Велимира звучал очень выразительно, так что присутствовавший в зале в первом ряду В. Татлин сказал Хлебникову:

— Вы лучший чтец своих произведений!

И он был прав.

(Крученых 1996: 131).

В это время еще ничто не омрачало дружбу поэтов. Хлебников часто ходил обедать к Маяковскому и Брику в Водопьяный переулок (д. 3, кв. 43), неоднократно ночевал у них, просил родных отправлять ему письма на адрес Бриков (Хлебников 2006, 6/2: 212). В письме к Л. Ю. Брик от 2 января 1922 г., которая тогда находилась в Риге, поэт сообщал, что приехал в Москву «к милым дорогим друзьям на Мясницкую» (курсив мной — А. П.; там же). Маяковский отдал Хлебникову один из своих костюмов, галстук (он сохранился и экспонируется в музее Хлебникова в Астрахани) и «пугачевский тулупчик». В стихотворении «Не шалить!» («Эй, молодчики-купчики»), напечатанном 5 марта этого года при содействии Маяковского в газете *Известия*, Хлебников писал: «В пугачевском тулупчике / Я иду по Москве!» (*Известия* 5 марта 1922). Маяковский заплатил Хлебникову за это стихотворение небольшой гонорар, который поэт отправил родителям в Астрахань. Сам Митурич свидетельствовал об этом в письме к матери поэта Е. Н. Хлебниковой, написанном на следующий день после смерти поэта — 29 июня 1922 г.: «Во время болезни он просил послать Вам 2 миллиона из 4-х, полученных от Маяковского на лечение» (курсив мой — А. П.; Парнис 2002: 14–15).

Между прочим, Митурич в этом же письме сообщает матери поэта о выходе «последней крупной вещи “Зангези”»: «Это издание принесло много неприятных минут В. В., так что он, в конце концов, даже не хотел думать о нем» (Там же).

Как известно, Хлебников посвятил Маяковскому несколько стихотворений. В обращенном к нему стихотворении «Признание», которое относится к началу 1922 г. и в котором он писал: «Будем гордиться вдвоем / Строгою звука судьбой» (Хлебников 2001, 2: 342). А в финале одного из последних стихотворений «Ну, тащися, сивка...» (февраль 1922) он также обращается к Маяковскому:

Кто меня кличет из Млечного Пути?

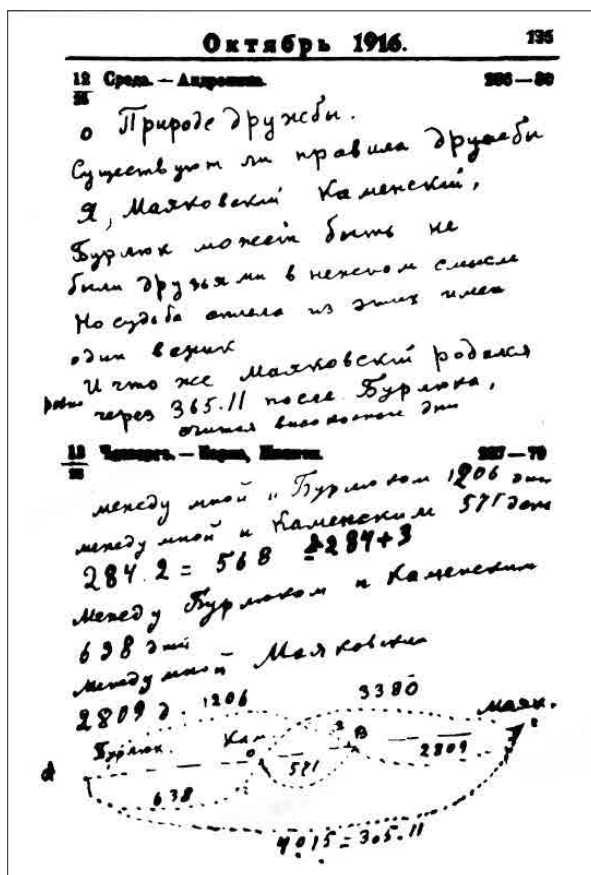
А? Вова?

В звезды стучится!

Друг! Дай пожму благородное копытце!

(Там же: 371).

Последний раз поэты виделись 1 мая 1922 г. на торжественном приеме наркома А. В. Луначарского у Бриков в Водопьяном переулке (Харджиев 1975: 207). На следующий день Маяковский уехал в Ригу (первая поездка Маяковского за границу) и вернулся в Москву 13 мая, буквально накануне отъезда Хлебникова и Митурича из Москвы в Санталово — 14 мая.

Илл. 7. Запись Хлебникова «О природе дружбы»
в записной книжке поэта. 1922. РГАЛИ

Был ли уже тогда, к 1 мая, написан финал «сверхповести» *Зангези* с выпадом против Маяковского? Скорее всего, нет. Митурич упоминал в воспоминаниях, что именно перед отъездом в Санталово Хлебников держал гранки сверхповести, в которых наборщики развлекались и сопровождали текст поэта обцененной лексикой: «Мы получили уже гранки набора “Зангези”, и Велимир занят выправкой текста. Наборщики издевались и где только могли, изощряли свое остроумие. Так, например, “Перун и Изанаги” они набирают “Пердун из заног”. Или слова от корня “мочь-могу” они набирают от корня “моча” — мочиться. И все в таком роде, тяжеловерсно и грубо. Велимир ни словом не обмолвился на эти выходки. Гранки были выправлены и конец “Зангези” утвержден» (курсив мой — А. П.; Митурич 1997: 54).

Были ли это гранки или это была авторская верстка? Ответить определенно на этот вопрос трудно, так как последняя верстка не сохранилась, или пока не обнаружена. Свидетельство Митурича, в котором он выделяет

«конец “Зангези”», а не весь текст сверхповести, и говорит о том, что они вместе обсуждали именно ее финал, в котором имеется выпад против Маяковского.

Однако трудно себе представить ситуацию, в которой Хлебников в финале сверхповести, позволил себе сделать резкий выпад против своего друга, назвав его «злостным негодяем», «уничтожающим рукописи», а затем «спокойно» пойти на квартиру Бриков-Маяковского в Водопьяном переулке — на встречу с Луначарским. Из этого следует, что последние поправки в финал сверхповести внесены были, скорее всего, уже после этой встречи, т. е. между 1 и 14 мая 1922 г., днем отъезда в Санталово.

Кто вносил правку в верстку — Хлебников или Митурич — установить пока не удастся. Вряд ли Митурич запомнил цитату из финала трагедии *Владимир Маяковский* (1913), но то, что художник принимал участие в обсуждении «конца “Зангези”» и повлиял на его установку, сомнений не вызывает.

Любопытно, что Маяковский в некрологе Хлебникову упоминает его «последнюю вещь “Зангези”», но он ничего не говорит о выпаде против себя в финале этой вещи. Здесь возможны три причины — то ли он не заметил этого выпада, то ли он слукавил и сделал вид, что не заметил его, то ли он считал, что Хлебников в последние месяцы жизни был уже серьезно болен и что на этот прецедент не стоит обращать внимания.

Скорее всего, он, действительно, не заметил выпада Хлебникова, иначе бы Маяковский, как человек прямой и крайне самолюбивый, несомненно, на него бы отреагировал, и тогда вся тональность некролога и характеристика «учителя» были бы уже совсем другими.

И все же он отметил в некрологе некоторую напряженность в отношениях со своим другом, возникшую во время последних встреч: «Болезнь сделала Хлебникова требовательным. Видя людей, не уделявших ему все свое внимание, Хлебников стал подозрителен. Случайно брошенная даже без отношения к нему резкая фраза раздувалась в непризнание его поэзии, в поэтическое к нему пренебрежение» (Маяковский 1959, 12: 28).

Несколько ранее сам Хлебников в небольшой заметке «О природе дружбы» в записной книжке, относящейся к весне 1922 г., не без иронии заявлял: «Существуют ли правила дружбы <?> Я, Маяковский, Каменский, Бурлюк может быть не были друзьями в нежном смысле. Но судьба сплела из этих имен один веник» (*Мир Велимира Хлебникова* 2000: 157). Не этот ли «веник» — «березовый веник» — нарисовал Митурич в конце «Открытого письма Маяковскому» (см. ил.)? Следует вспомнить, что десять лет назад, в самом начале литературной деятельности футуристов в 1912 г., когда они выпускали свои первые сборники и писали первые манифесты, отношения между ними были совсем иными. В манифесте, открывающем первый футуристический сборник *Пощечина общественному вкусу* (1912), они декларировали: «Стоять на глыбе слова “мы” среди моря свиста и негодования» (Маяковский 1961, 13: 245).

[illegible]

There is good reason to believe that, in the north, the small amount of water which is frozen in the ground is not sufficient to cause the ground to freeze. The ground is not frozen in the north, and the water is not frozen in the ground. The ground is not frozen in the north, and the water is not frozen in the ground.

How good are the Blue sea? no spruce. But spruce along Tallyho, where
the sea is very good. No collecting. I was in the sea.

[illegible][illegible][illegible]

Вино марочное, бочкарами П. Павловым произведенное в 1841 г.

Тогда всего было издано 1000 экземпляров, из которых 500 экземпляров

typical of the whole, a number of the most important of the
features of the system are described in the following pages.

Романовъ съобщае о вѣнчаніи князя К. К. и княгини Е. Е.
С. С. К. К. о вѣнчаніи князя К. К. и княгини Е. Е.

Thalassia or *Thalassia*; *Thalassia* *Thalassia*, *Thalassia*
Thalassia or *Thalassia*; *Thalassia* *Thalassia*, *Thalassia*

[illegible]

своего имени, то, конечно же, и название производного должно измениться. А если не менять название производного, то, конечно же, и название основного не изменится. Но

Ваш предмет моего удивления.

Меняра много път през нощта, като стигна до вратата на кметството
и влезе в кабинета на кмета, който беше там и той самият.

наде, для которых в Москве проводились, во Вьетнаме, а также
в соседних странах операции, которые проводились в

смысл недопустим для дальнейшего анализа, более корректно

The major portion of the ...

В заключение хочу отметить, что в настоящее время в России
не существует единого мнения о том, что такое государство.

Илл. 10. П. Митурич. Открытое письмо Маяковскому. 19 августа 1922 г.
Автограф. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 946. Л. 2. (справа вверху помета карандашом
рукой Н. И. Харджиева: «2-ая ред<акция>»)

Вернусь к высокой оценке Хлебникова, которую дал Маяковский в финале некролога. Он заявил от своего имени и от имени друзей-соратников (Асеева, Бурлюка, Крученых, Каменского, Пастернака), что «считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе» (Маяковский 1959, 12: 28). С этого некролога и его предельно точных формулировок началась фактически настоящая канонизация творчества Хлебникова. И в этой канонизации едва ли не главную роль сыграл Маяковский.

В начале этой «истории», как уже отмечалось, вскоре после смерти Хлебникова, в деревне Санталово произошло еще одно форс-мажорное событие, последствия которого ощущаются и сегодня. Художник Митурич, живя в одиночестве в глухой новгородской деревне и тяжело переживая смерть своего друга и учителя, неожиданным образом решил пойти в «открытый бой с футуристами» (Митурич 1997: 37).

Здесь необходимо вернуться к анализу текста «Открытого письма» Митурича. Оно было написано от руки и имело две редакции (Горяева 2019: 420–429). В первоначальной редакции Митурич позволил себе сделать резкие выпады против Маяковского — он подчеркнул его физические «недостатки»: «Не желая быть более строгим, чем Хлебников, принимая во внимание ваше физическое уродство, указанное Велимиром в “Зангези”, а также другие Ваши нравственные изъяны...» (Митурич 1997: 38).

Затем в окончательной редакции Письма, подготовленной к печати, слова о «физическом уродстве» и о «нравственных изъянах» были купированы. В этом Письме Митурич задал Маяковскому три принципиальных вопроса:

1. Указать, какие из рукописей Хлебникова у Вас имеются в сохранности.
2. Как и поскольку могут быть найдены, или возобновлены исчезнувшие?
3. Как ли и в какой мере они были использованы Вами и сообразно с этим рассчитаться за вычетом тех «благодетений», какие ему были Вами оказаны (Там же: 39).

Далее Митурич привел список вещей Хлебникова, состоящий из 12 пунктов, которые, как он считал, должны были находиться у Маяковского и которые художник в категорической форме потребовал вернуть:

Список произведений Виктора Хлебникова (не полный), долженствующий быть у Вас с 1914 года:

- 1). Ряд стихотворений и 2 поэмы к наступлению войны;
- 2). Памятник Пушкина (поэма);
- 3). Ясир <так — А. П.> “
- 4). Семь крылатых “
- 5). 13 в воздухе “
- 6). Распятие “
- 7). Ладомир (мне известный) (поэма) <так — А. П.>;
- 8). Разин (наоборот) (мне известный) (поэма) <так — А. П.>;
- 9). Царапина по небу (мне известна<я>);
- 10). Перун и Изанаги;

- 11). Каменная баба;
- 12). Статьи по филологии и истории
(Горяева 2019: ил. 65)¹³.

Этот список рукописей Хлебникова относится к апрелю 1919 года, когда глава будетлян вместе с Якобсоном работал над своим однотомником.

Однако здесь необходимо сделать ряд уточнений и выяснить, каким образом значительное число рукописей Хлебникова могли попасть в 1919 г. в руки Маяковского, которые затем он передал Якобсону.

21 марта 1919 г. Хлебников приехал из Астрахани в Москву. Одной из целей его приезда было издание тома произведений в связи с 10-летием литературной деятельности. Маяковский пробил издание его однотомника в издательстве «ИМО» («Искусство молодых»), который должен был называться *Все сочиненное Виктором Хлебниковым* (Брик 1940: 105). Маяковский получил от приехавшего из Астрахани Хлебникова его рукописи и поручил редактирование этого издания Якобсону, как он сам вспоминал в некрологе. Хлебников вместе с Якобсоном работал над однотомником чуть более месяца. По его предложению Хлебников написал предисловие, которое автор сборника озаглавил «Свояси», а свое исследование о поэтике, которое должно было открывать однотомник, Якобсон озаглавил «Подступы к Хлебникову». Его статья затем вышла в Праге отдельным изданием в самом начале 1921 г., но уже под заглавием «Новейшая русская поэзия». Не закончив работы над однотомником, глава будетлян неожиданно уехал к друзьям в Харьков, а Якобсон через год уехал из Москвы в Прагу, где поступил на службу в советское постпредство.

В некрологе Маяковский вспоминал о характерной для Хлебникова «странной» манере неожиданно исчезать и отправляться куда-то в путешествие:

Накануне сообщенного ему дня получения разрешений и денег я встретил его на Театральной площади с чемоданчиком.

— Куда вы? — На юг, весна!.. — и уехал.

Уехал на крыше вагона; ездил два года, отступал и наступал с нашей армией в Персии, получал за тифом тиф (Маяковский 1959, 12: 27).

В феврале 1920 г. Хлебников запрашивал О. Брика из Харькова о судьбе своего однотомника: «Но главная тайна, блистающая, как северная звезда, это — изданы мои сочинения или нет? Шибко боюсь, что нет! Так же, как “Интернационал искусств”. И вдруг Вы пришлете мне толстый пушкинский том? С опечатками, сырой печатью? Правда, хорошо было бы?» (Хлебников 2004, 6/2: 198).

«Наивный» Хлебников полагал, что однотомник *Все сочиненное Виктором Хлебниковым*, который был затеян в издательстве «ИМО» год назад, может выйти без его составительской и редакторской работы, как это неоднократно случалось ранее.

¹³ Цитирую по факсимиле автографа «Открытого письма» (1-я редакция).

Рукописи Хлебникова пролежали «спокойно» в закрытом сейфе Лингвистического кружка три с лишним года. Этот сейф, о котором вспоминал Якобсон, был вскрыт только в январе 1924 г., и в нем, как указано выше, были обнаружены почти все рукописи Хлебникова, упомянутые Митуричем в списке. Найденные рукописи Хлебникова были переданы Г. О. Винокуру, В. А. Силлову и А. Е. Крученых для публикаций. Казалось бы, все стало на свои места — инцидент исчерпан, но Митурич почему-то не мог успокоиться и продолжал утверждать, что Маяковский все же «украл» какие-то рукописи Хлебникова и «использовал» (?) их в своих произведениях. Между тем тогда же Митурич узнал от В. Шкловского, что рукописи Хлебникова нашлись в сейфе и даже сделал об этом, как сказано выше, соответствующую запись в своем дневнике.

Через четыре года в связи с выходом первого тома собрания произведений Хлебникова (1928) об этой находке в сейфе кружка, а также об идентификации обнаруженных рукописей была написана отдельная работа критика и библиографа В. А. Силлова «Шапочный разбор лесов», опубликованная в журнале *Новый ЛЕФ* (Силлов 1928: 37–44).

Автор указанной статьи тщательно проанализировал список Митурича и попытался ответить на все поставленные им вопросы:

1. «Ряд стихотворений и две поэмы к наступлению войны». Одна поэма «к наступлению войны», надо думать, «Война в мышеловке», была подготовлена мною к печати и опубликована с моим предисловием в пятом выпуске серии брошюр «Неизданный Хлебников». Рукопись хранится у меня. Другая поэма о войне, возможно, «Война — смерть», была напечатана в «Союзе молодежи» еще в 1913 году. Что же касается «ряда стихотворений», то несколько стихотворений были переданы мною А. Крученых и напечатаны в той же серии и в «Новом лефе». Неразобранные стихи и рукописи Хлебникова хранятся у меня. Недавно с ними ознакомился по приезду в Москву ленинградский редактор Хлебникова Н. Л. Степанов¹⁴.

2. «Памятник Пушкина» — неизвестная мне вещь.

3. Повесть «Есир» подготовлена к печати Г. О. Винокуром и напечатана в 1924 году в «Русском современнике». Рукопись хранится у Г. О. Винокура.

4. «Семь крылатых» — отрывки рукописи у меня.

5. «Тринадцать в воздухе» — тоже.

6. «Распятие» — кажется, так называется одно из многих (? — А. П.) стихотворений, рукопись которого находится у меня.

7. «Ладомир» — четырежды отпечатанная поэма (литографированное издание в Харькове в 1920 году, в 1923 году во втором номере Лефа, в 1928 году в четвертом выпуске «Неизданного Хлебникова» и наконец, в 1 томе собрания произведений).

8. «Разин» — напечатана в I томе по рукописи, находящейся в распоряжении Ю. Тынянова и Н. Степанова.

9. «Царапина по небу» — та же судьба, что и у «Распятия».

¹⁴ Степанов Николай Леонидович (1902–1972) — литературовед, составитель и редактор первого собрания произведений Хлебникова (1928–1933), автор первой русской монографии о нем (Степанов 1975).

10. «Перун и Изанаги» — неполная рукопись хранится у меня.
11. «Каменная баба» — тоже.
12. Статьи по филологии — у Г. О. Винокура» (Силлов 1928: 39–40).

Далее автор статьи подводит итог: «Вот и весь реестр Митурича. Беспочвенность его обвинений очевидна также, как очевидна ставшая уже традицией намерение этим письмом вырвать Хлебникова из контекста футуризма» (Там же).

К этому анализу списка Митурича, проделанному Силловым, после выхода двух новых собраний сочинений Хлебникова (в 1968–1972 гг., в 2000–2006 гг.), а также большой исследовательской и публикаторской работы, проделанной другими учеными, следует добавить ряд уточнений.

К пункту №4: «*Семь крылатых*» — вероятно, здесь речь идет о статье, в которой был обзор текстов его семи соратников-футуристов, или о повести с таким сакральным заглавием. Фрагменты из некоторых вещей, которые находились у Силлова, обнаружить пока не удалось.

К пункту №5: «*Тринадцать в воздухе*» — это несохранившаяся пьеса Хлебникова. Ее планировал поставить В. Е. Татлин (1917). Автор передал Г. Н. Петникову рукопись пьесы для публикации в издательстве «Лирень» с иллюстрациями М. М. Синяковой (<Анонс> 1918: 11)¹⁵. Второй рукописный вариант этой пьесы Хлебников, как он отметил в неизданных записях, передал издателю, поэту и меценату Н. Д. Филиппову в 1918 году. Оба проекта реализованы не были. Сохранились черновики двух сцен, которые после вскрытия сейфа попали к А. Е. Крученых, а ныне находятся в архиве Н. И. Харджиева (РГАЛИ).

К пункту №6: «*Распятие*» — несмотря на то, что Силлов считал, что это заглавие какого-то стихотворения, но, скорее всего, оно — заглавие второго или третьего паруса (действия), включенного в сверхповесть *Сестры-молнии* (1918–1921)¹⁶, или заглавие отброшенной ранней редакции поэмы (1918), вошедшей в эту сверхповесть и напечатанной в новом собрании сочинений (Хлебников 2004, 5: 280–304, 444–445). Интересно, что Маяковский, как вспоминает Р. Якобсон, видел отрывок из этой вещи, когда он с Хлебниковым работал над однотомником, и сказал, процитировав строки из него: «Из улицы улья / Пули, как пчелы. / Шатаются стулья... — Вот, если бы я умел писать, как Витя...» (Якобсон 2012: 72)

Кроме того, следует подробнее остановиться еще на четырех пунктах из списка Митурича, так как Силлов не имел о них никаких сведений. Они были идентифицированы автором этих строк сравнительно недавно (Парнис 2012: 80–83). В этом списке рядом с тремя поэмами — *Ладомир* (№7), *Разин (наоборот)* (№8) и поэмы или сверхповести *Царина по небу* (№9) Митурич сделал помету: «мне известная поэма» или просто — «мне известная». А рядом с четвертым текстом — «Перун и Изанаги» (№10 — ран-

¹⁵ Сообщено А. Крусановым.

¹⁶ См. первоначальный план «сверхповести» *Сестры-молнии* (Хлебников 2004, 5: 444–445).

няя редакция стихотворения «Туда, туда, где Изанаги») — никаких помет не имеется.

Здесь у Митурича произошла явная аберрация памяти: он не мог тогда, в 1921 г., видеть рукописей этих вещей. Эти четыре вещи Хлебников написал не в Москве, а в Харькове, куда он выехал в конце апреля 1919 г. и где находился полтора года. Почему же эти четыре вещи Хлебникова, написанные в Харькове в основном в 1920 г., кроме одного текста, написанного в мае 1919 г. («Туда, туда, где Изанаги»), Митурич включил в свой список, предъявленный Маяковскому?

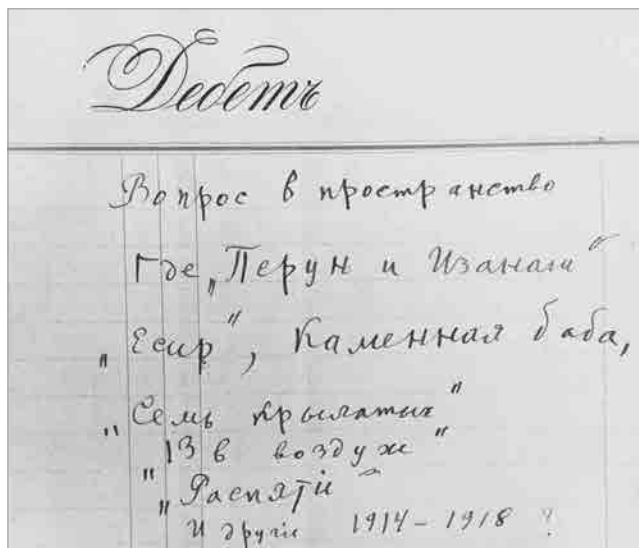
В Харькове Хлебников познакомился и подружился с художником-конструктивистом В. Д. Ермиловым, у которого он даже некоторое время жил на улице Юмовской. Ермилов стал его издателем. В мае 1920 г. Хлебников написал поэму *Ладомир*, а Ермилов через полтора месяца издал ее литографированным способом (тираж — 50 экземпляров; там же: 72–85) и весь тираж он отдал автору. Хлебников включил в эту поэму отдельное стихотворение «Туда, туда, где Изанаги», написанное годом раньше (9 мая 1919 г.). Затем он включил его в поэму *Азы из узы* и в пьесу *Боги*, написанных также в Харькове.

Как удалось установить, в марте-апреле 1921 г. харьковский художник Ермилов приезжал в Москву. Сохранился его дневник, который он вел во время этой поездки (Там же: 76–80). Ермилов приехал в столицу с двумя задачами: 1) посетить ВХУТЕМАС и познакомиться с новыми направлениями в искусстве; 2) попытаться издать тексты Хлебникова, рукописи которых поэт оставил у него перед отъездом из Харькова. Он посетил разных лиц и издательских работников, в том числе и друзей Хлебникова. Среди них были В. Маяковский и О. Брик. У них он оставил на некоторое время копии рукописей Хлебникова, которые показывал в московских издательствах с надеждой их опубликовать, но ничего из этой затеи тогда не вышло.

Ермилов, отвечая на мои вопросы о поездке в Москву, в письме ко мне от 15 июня 1965 г. рассказал о визите к О. М. Брику и Маяковскому:

«Я вспоминаю, как в 1921 году я приехал в Москву и пришел к Брику. В комнате, широко расставив ноги, стоял Володя Маяковский и на листе ватмана, положенного на крышку рояля, делал какой-то плакат (очевидно, для РОСТА). Когда Брик сказал: «Вот известия от Хлебникова из Харькова и его новая поэма “Ладомир” (видимо, он был сердечно рад), то Маяковский даже не повернулся. С другими (Есенин, Тарасов-Родионов, Аксенов) это было иначе. Эту обиду за Хлебникова я и сейчас остро переживаю, хотя и прошло 44 года» (Парнис 2012: 29).

Хотя Маяковский по неизвестной причине отнесся к визиту Ермилова равнодушно (они в 1912–1913 гг. были знакомы еще по московскому училищу живописи, ваяния и зодчества), но копии рукописных книг Хлебникова, оставленных им у Брика, он хорошо запомнил и дал им в некрологе Хлебникову высокую оценку. В нем он писал: «Из его стихов этого времени

Илл. 13. Лист «Вопрос в пространство» из рукописного сборника Хлебникова «Крыса» (1922; РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 24 об.)

Видимо, Митурич, тогда еще не знал почерка Хлебникова и принял «ермиловские» копии за подлинники, написанные рукой главы будетлян. В настоящее время «митурические» копии этих трех хлебниковских поэм находятся в музее Маяковского¹⁷, а «ермиловские» копии, оставленные художником у Маяковского — Брика, разыскать не удалось. Это подтверждается также пометой самого Митурича на экземпляре машинописи сверхповести *Царапина по небу*, которую он в конце 1920-х годов передал ее Н. Л. Степанову для публикации в собрании произведений Хлебникова: «Печатается с копии, сделанной П. В. Митуричем 1/V/1921г. с рукописи (копии) <?! — А. П.>, находившейся у В. В. Маяковского»¹⁸.

И наконец, окончательный аргумент. В последние четыре месяца своей жизни, находясь в Москве, Хлебников делал в рабочих тетрадах, блокнотах, записных книжках и на отдельных листках записи о том, где и у кого хранятся его рукописи, а также с кем ему нужно встретиться и кому нужно передать или у кого забрать те или иные рукописи. Он помнил всех, у кого находились его рукописи: среди них были известные и малоизвестные лица. Такие, как С. Есенин, С. Бобров, Г. Петников, И. Аксенов, П. Коган, С. И. Дымшиц-Толстая, А. Воронский, В. Ермилов, Ф. Богородский, В. Каменский, А. Лейтес, В. Перцов, И. Егоров, Л. Повицкий, С. Абрамов, А. Оголевец, А. Глоба, Н. Д. Филиппов, Е. Шамурин, некий Семенцов и другие. Но списка рукописей Хлебникова, которые находились у Маяковского,

¹⁷ См. примеч. №75 в: Парнис 2012: 81–82.

¹⁸ В настоящее время эта машинопись сверхповести «Царапина по небу» находится в моем распоряжении.

почему-то в записных книжках и других записях обнаружить не удалось. Вряд ли Хлебников мог забыть, что он передал ему в 1919 г. после возвращения из Астрахани большое число своих рукописей. Вполне возможно, что он не хотел ссориться со своим другом и не хотел по каким-то причинам упоминать его. Здесь есть какая-то психологическая загадка.

И все же существует небольшой список рукописей, составленный Хлебниковым, который неожиданным образом напоминает список Митурича из «Открытого письма», но почему-то фамилия Маяковского в нем не указана. Глава будетлян назвал его по-хлебниковски:

Вопрос в пространство:

«Где «Перун и Изанаги»,
«Есир», «Каменная баба»,
«Семь крылатых»,
«13 в воздухе»,
«Распятие»
и другие 1914–1918?

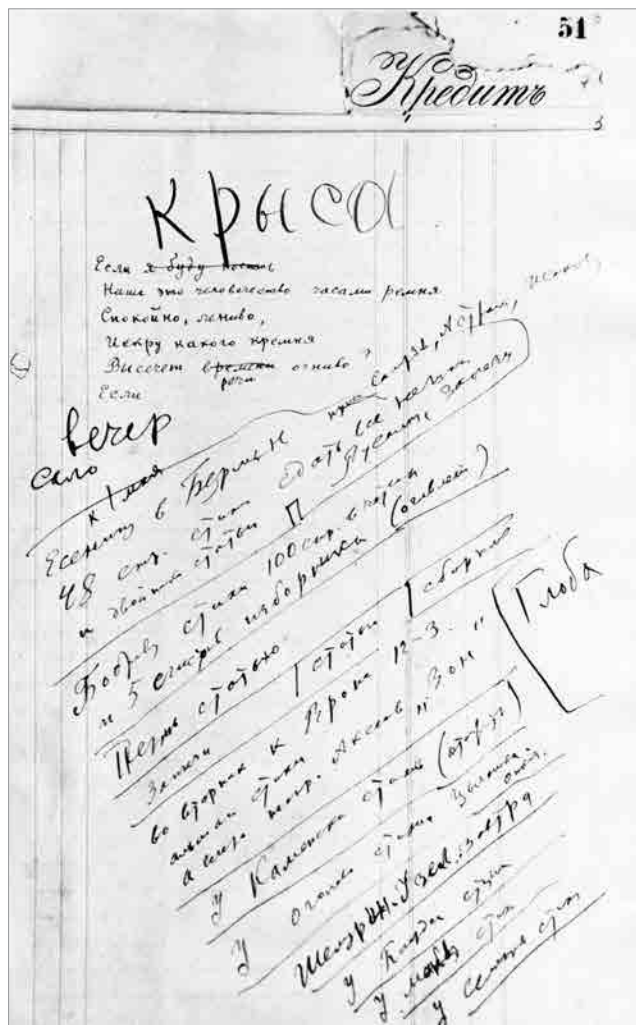
(РГАЛИ. Ф 527. Оп. 1. Ед. хр. 67)

Этот список находится в рукописной тетради под условным названием «Крыса» (1922), которая была опубликована американским исследователем Р. Врооном (Vroon 1989: 71, 167–169). У Хлебникова была хорошая память, особенно, если это касалось рукописей, и он несомненно помнил, что некоторые вещи из этого списка (например, «Перун и Изанаги», «Семь крылатых», «13 в воздухе») находились не у Маяковского, а у других лиц, поэтому он и не называет в этом списке имена «хранителей» или «владельцев». Любопытно, что трех поэм, которые упоминаются в списке Митурича, — *Ладомир*, *Разин* и *Царапина по небу* — в этом списке нет. Разумеется, Хлебников помнил, что они находились у В. Д. Ермилова.

Понятно, что Митурич составлял свой список «пропавших» рукописей Хлебникова по памяти, пытаясь вспомнить какие-то разговоры с поэтом, поэтому художник допустил много ошибок и неточностей. Он взял за основу своего списка безымянный список Хлебникова из тетради «Крыса», значительно его расширил и предъявил Маяковскому.

Таким образом, Митурич, составляя в августе 1922 г. список «пропавших» рукописей Хлебникова, превратил его в обвинительный список — он, вероятно, что-то перепутал, недопонял и исказил, но почему-то с поразительным упорством продолжал настаивать на своем — неприязнь и ненависть к Маяковскому затмила ему здравый смысл.

Конечно же, Митурича, едва сводившего концы с концами в Москве в годы НЭПа, явно раздражал богемно-буржуазный стиль жизни Маяковского и его окружения. Ему, вероятно, казалось, что Маяковский и Брики несколько снисходительно относятся ко всегда голодному Хлебникову, чего, разумеется, не было и не могло быть. Как следует из воспоминаний Митурича, он несомненно ревновал главу будетлян к его младшему другу-соратнику и сознательно настраивал Хлебникова против Маяковского.

Илл. 14. Лист со списком лиц, которым в начале 1922 г. Хлебников передал свои рукописи с надеждой их издать, из рукописного сборника «Крыса» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 3)

Как ни странно, Митурич продолжал верить в предъявленные им Маяковскому обвинения всю свою жизнь, и в этом была его роковая ошибка. Ученики художника и его окружение также продолжали верить в эти абсурдные обвинения. И никакие аргументы и выявленные факты не могли переубедить Митурича в обратном.

Приведу отзыв о нем искусствоведа Н. Н. Пунина, который хорошо знал художника и который предельно точно охарактеризовал его: «Суровый был человек Митурич, скупой и требовательный в искусстве, даже исступленный, ненавидел он уничтожающе и остро; то, что любил, любил

упрямо, коленопреклоненно, фанатически и все-таки холодно» (Пунин 2000: 106). Эта характеристика Митурича, сделанная дружески расположенным к нему Пуниным, многое объясняет.

Таким образом, общая картина, связанная с конфликтом между Хлебниковым и Маяковским более или менее проясняется.

...Принято считать, что Маяковский никак не реагировал на предъявленные ему обвинения Митурича в «Открытом письме», кроме тех случаев, когда он экспромтом отвечал своим оппонентам в публичных выступлениях. И все же, как выясняется, что он ответил недоброжелателям и обвинителям в своем стиле и в своем жанре, он ответил как поэт — сатирическим стихотворением «Прощание (Кафе)» из цикла *Париж*, написанном в 1925 году. В нем он развенчивает мифы о себе, распространенные в эмигрантской среде. В тексте он описывает несколько нелепых сплетен, связанных с его именем, в одной из них он был назван «чекистом», который «послан сюда <во Францию — А. П.> взорвать» Буа де Булонь (Булонский лес). В другой сплетне речь идет о краже книг Некрасова, которая, вне сомнения, навеяна скандальной «историей», связанной с «пропажей» рукописей Хлебникова и мнимыми обвинениями, которые ему предъявил Митурич в 1922 г. в «Открытом письме»:

... в конце
 семнадцатого года
в Москве
 чекой конфискован Некрасов
и весь
 Маяковскому отдан.
Вы думаете —
 сам он?
 Сбондил до иот —
Весь стих
 с запятыми
 скраден.
Достанет Некрасова
 и продает —
червонцев по десять
 на день.
 (Маяковский 1957, 6: 225).

И в финале этого стихотворения Маяковский заявляет об абсурдности этих сплетен и обвинений и выносит свой «вердикт» поэтической формулой с отрицательной частицей «не» — «не верьте»:

Слушайте, читатели,
 когда прочтете,
что с Черчиллем
 Маяковский
 дружбу вертит
или

что женился я
на кулиджевской тете,
то, покорнейше прошу, —
не верьте
(Там же: 226)¹⁹.

Хлебников и Маяковский были не только соратниками, но и друзьями. Их отношения, которые длились почти десять лет, с 1912-го по весну 1922 г., не были ничем омрачены. Это подтверждается прежде всего процитированными выше словами Якобсона: «Никогда не бывало, чтобы Хлебников говорил о ком-нибудь резко».

Поэтическая система Хлебникова воздействовала на поэзию Маяковского, и наоборот, глава будетлян испытал определенное влияние на себя своего младшего друга. Примечательно, что Маяковский сохранил в памяти неизвестное четверостишие Хлебникова «Сегодня снова я пойду...» (1914), которое больше нигде не было зафиксировано. Мы его знаем только благодаря Маяковскому, который привел его в одной из своих ранних статей, а затем повторил в некрологе.

Ревнивый и «наивный» Митурич, появившийся в Москве в середине марта 1922 г., несомненно негативно повлиял на отношения двух поэтов, связанных многолетней дружбой. Он, условно говоря, хотел стать «главным». Он не понимал, что Маяковский ощущал себя равновеликим Хлеб-

¹⁹ В начале этого года вышла коллективная монография о последней свержповести Хлебникова *Зангези* (*Свержповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология*). В статье профессора Рональда Вроона о новой текстологии *Зангези* я совершенно неожиданно наткнулся на закамouflированный недружественный выпад, направленный против меня: якобы гранки свержповести «с финальной правкой Хлебникова» попали в «частную коллекцию, владелец которой *не торопится* (курсив мой — А. П.) оповестить мир о местонахождении этого ценнейшего документа» (Россомахин 2021: 60). Я «не тороплюсь оповестить» по простой причине — у меня нет этих гранок с правкой Хлебникова. Если бы они у меня были, то я, в первую очередь, предложил бы статью, посвященную этому концептуальному вопросу, в указанное издание о *Зангези*, в котором я также участвую, но с другим материалом. Вопросу о неизвестной судьбе этих гранок с правкой Хлебникова посвящена публикуемая здесь моя работа. Чем вызван некорректный жест американского коллеги, я понять не могу — пусть он остается на его совести. В так называемом «Завещании» Харджиева, которое готовится сейчас к печати, исследователь утверждает: «В отброшенном Хлебниковым первоначальном беловом тексте финала чудовищно<е> обвинение Маяковского в уничтожении рукописей несомненно отсутствовало. Об этом свидетельствует и автограф “Зангези”, где заключительная часть написана *другими чернилами*. А первоначальный беловой текст финала был уничтожен (если не самим Хлебниковым, то Митуричем). Такова истинная история финала “Зангези”».

Кажется, Гегель где-то сказал, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз — в виде фарса. В 1922 г. Митурич обвинил Маяковского в «утаивании» и даже в уничтожении рукописей Хлебникова. Прошло почти 100 лет и профессор Р. Вроон выступил с такого же рода обвинениями, направленными против автора этих строк, правда, в меньшем масштабе. Что я могу на это ответить? Я неожиданно для себя оказался вместе с Маяковским в схожей ситуации, и это меня утешает. Ответу вердиктом из цитированного выше стихотворения Маяковского «Прощание (Кафе)», навеянного скандальной «историей» с рукописями Хлебникова, — «не верьте».

никову, и ему не нужно было ничего «воровать» у своего старшего друга, которого он называл своим «учителем». Более того, Маяковский никогда не включал в свои тексты прямые цитаты из «чужих» стихов, но если он заимствовал образы, мотивы и темы из других поэтов, то он их развивал и обыгрывал в иронической манере и как бы делал «своими». Это был новаторский и характерный для Маяковского новый метод и стиль. Хлебников, который к Маяковскому относился с неизменной любовью и пиететом, был и всегда оставался для него и его соратников высочайшим авторитетом и «великолепнейшим и честнейшим рыцарем в <...> поэтической борьбе».

После тщательного анализа собранных мною документов и фактов можно с полной уверенностью утверждать, что выдвинутые П. В. Митуричем обвинения Маяковского в плагиате и утаивании рукописей Хлебникова лишены всяческих оснований²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- <Анонс>. *Колосья*. Харьков, 18 (1918): 11.
- Архив 14 — Архив Государственного музея В. В. Маяковского. Зап. кн. № 14.
- Архив 18 — Архив Государственного музея В. В. Маяковского. Зап. кн. № 18.
- Брик Осип. «ИМО — искусство молодых». *Маяковскому: Сборник воспоминаний и статей*. Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1940.
- Быков Дмитрий. *Маяковский: трагедия-буфф в шести действиях*. Москва: Молодая гвардия, 2018.
- Галушкин Александр (отв. ред.). *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография*. Москва: ИМЛИ РАН, 2006.
- Горяева Татьяна. «Н. И. Харджиев и В. В. Маяковский». *Архив Н. И. Харджиева*. Т. III. Москва: In Artibus, 2019: 420–429.
- Григорьев Виктор. *Будетлянин*. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Известия ВЦИК*. 1922. 5 марта.
- Катанян Василий. *Маяковский. Хроника жизни и творчества*. Отв. ред. А. Е. Парнис. Москва: Советский писатель, 1985.
- Катанян Василий. *Распечатанная бутылка*. Н. Новгород: ДЕКОМ, 1999.
- Крученых Алексей. *Неизданный Хлебников*. Вып. 27. Москва, 1934. С. 3 (машинопись).
- Крученых Алексей. *Наш выход*. Москва: РА, 1996.
- Маяковский Владимир. «В. Хлебников». [Некролог]. *Красная новь* 4 (1922): 303–306.
- Маяковский Владимир. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1961.
- Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998*. Под общей редакцией А. Е. Парниса. Москва: Языки русской культуры, 2000.
- Митурич Петр. «Мое знакомство с Велимиром Хлебниковым». Митурич Петр. *Записки сурового реалиста эпохи авангарда*. Москва: РА, 1997.
- Парнис Александр. «Велимир Хлебников: Москва — Санталово, май — июнь 1922». *Библио-Глобус* 6 (2002): 14–15.
- Парнис Александр. «Василий Ермилов — друг и издатель Хлебникова». *Василий Дмитриевич Ермилов. 1894–1968. Материалы к творческой биографии художника*. Под общей редакцией А. Парниса. Москва: Галерея «Проун», 2012.
- Парнис Александр. «Хлебников-Маяковский-Митурич: к истории одного конфликта (предварительные заметки)». Ioffe Dennis. White Frederick (ed.). *The Many Lives of the*

²⁰ Пользуясь случаем, сердечно благодарю В. В. Радзишевского и С. В. Митурича за ценные замечания и предложения.

- Russian Avant-garde. Nikolay Khardzhiev's Legacy: New Contexts.* Amsterdam: Pegasus Oost-Europese Studies (№32), 2019: 67–84.
- Пунин Николай. *Мир светел любовью. Дневники. Письма.* Москва: РА, 2000. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67.
- РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 37.
- Роман Яacobсон. *Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза.* Сост. Б. Янгфельдт. 2-е изд. Москва: Гилея, 2012.
- Россомахин Андрей (сост. и ред.). *Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации.* Москва: Бослен, 2021.
- Рябова Н. «Киевские встречи». *Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском.* Москва: Дружба народов, 1993.
- Силлов Владимир. «Шапочный разбор лесов». *Новый ЛЕФ* 11(1928): 37–44.
- Собачий ящик.* 2-е изд. Москва, 1922 [на обл. — 1923].
- Степанов Николай. *Велимир Хлебников: Жизнь и творчество.* Москва: Советский писатель, 1975.
- Харджиев Николай. «Новое о Хлебникове (К 90-летию со дня рождения)». *День поэзии.* 1975. Москва: Советский писатель, 1975: 201–211.
- Хлебников Велимир. *Всем. Ночной бал;* Альвэк [Израилевич И. С.]. *Нахлебники Хлебникова: Маяковский — Асеев.* Москва: Издание автора, 1927.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений.* В 6 т. Под общей редакцией Р. В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000–2006.
- Чегодаева Мария. *Заповедный мир Митуричей — Хлебниковых. Вера и Петр.* Москва: Аграф, 2004.
- Шаламов В. Т. *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела.* Москва: Эксмо, 2004: 52–54.
- Шугаева Н. «Чистка поэтов: Страничка из истории новейшей литературы». *Читатель и писатель* 3 (1928): 3.
- Vroon Ronald. *Velimir Hlebnikov's Krysa: a commentary.* Stanford: Stanford University, 1989.

REFERENCES

- <Anons>. *Kolos'ya.* Har'kov, 18 (1918): 11.
- Arhiv 14 — Arhiv Gosudarsvennogo muzeya V. V. Mayakovskogo. Zap. kn. № 14.
- Arhiv 18 — Arhiv Gosudarsvennogo muzeya V. V. Mayakovskogo. Zap. kn. № 18.
- Brik Osip. “IMO — iskusstvo molodyh”. *Mayakovskomu: Sbornik vospominanij i statej.* Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1940.
- Bykov Dmitriy. *Mayakovskij: tragediya-buff v shesti dejstviyah.* Moskva: Molodaya gvardiya, 2018.
- Chegodaeva Mariya. *Zapovednyy mir Miturichej–Hlebnikovykh. Vera i Petr.* Moskva: Agraf, 2004.
- Galushkin Aleksandr (otv. red.). *Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-h godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya.* Moskva: IMLI RAN, 2006.
- Goryaeva Tat'yana. “N. I. Hardzhiev i V. V. Mayakovskij”. *Arhiv N. I. Hardzhieva.* T. III. Moskva: In Artibus, 2019: 420–429.
- Grigor'ev Viktor. *Budetlyanin.* Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
- Hardzhiev Nikolaj. “Novoe o Hlebnikove (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya)”. *Den' poezii.* 1975. Moskva: Sovetskij pisatel', 1975: 201–211.
- Hlebnikov Velimir. *Vsem. Nochnoj bal;* Al'vek. *Nahlebniki Hlebnikova. Mayakovskij — Aseev.* Moskva: Izdanie avtora, 1927.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie sochinenij.* V 6 t. Moskva: IMLI RAN, 2001–2006.
- Izvestiya VCIK.* 1922. 5 marta.
- Katanyan Vasilij. *Mayakovskij. Hronika zhizni i tvorchestva.* Otv. red. A. E. Parnis. Moskva: Sovetskij pisatel', 1985.
- Katanyan Vasilij. *Raspechatannaya butylka.* Moskva: DEKOM, 1999.
- Kruchenyh Aleksej. *Neizdannyy Hlebnikov.* Vyp. 27. Moskva, 1934. S. 3 (mashinopis').
- Kruchenyh Aoeksej. *Nash vyhod.* Moskva: RA, 1996.

- Mayakovskij Vladimir. "V. Hlebnikov". [Nekrolog]. *Krasnaya nov'* 4 (1922): 303–306.
- Mayakovskij Vladimir. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 13 t. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1955–1961.
- Mir Velimira Hlebnikova: *Stat'i. Issledovaniya. 1911–1998*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
- Miturich Petr. "Moe znakomstvo s Velimirom Hlebnikovym". Miturich Petr. *Zapiski surovogo realista epohi avangarda*. Moskva: RA, 1997.
- Parnis Aleksandr. "Velimir Hlebnikov: Moskva — Santalovo, maj — iyun' 1922". *Biblio-Globus* 6 (2002): 14–15.
- Parnis Aleksandr. "Vasilij Ermilov — drug i izdatel' Hlebnikova". *Vasilij Dmitrievich Ermilov. 1894–1968. Materialy k tvorcheskoi biografii hudozhnika*. Moskva: Galereya «Proun», 2012.
- Parnis Aleksandr. "Hlebnikov-Mayakovskij-Miturich: k istorii odnogo konflikta (predvaritel'nye zametki)". Ioffe Dennis, White Frederick (ed.). *The Many Lives of the Russian Avant-garde. Nikolay Khardzhiev's Legacy: New Contexts*. Amsterdam: Pegasus Oost-Europese Studies (№ 32), 2019: 67–84.
- Punin Nikolaj. *Mir svetel lyubov'yu. Dnevnik. Pis'ma*. Moskva: RA, 2000.
- RGALI. F. 527. Op. 1. Ed. hr. 67.
- RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. hr. 37.
- Roman Jakobson. *Budetlyanin nauki: Vospominaniya, pis'ma, stat'i, stihi, proza*. Sost. B. Yangfel'dt. 2-e izd. Moskva: Gileya, 2012.
- Rossomahin Andrej (sost. i red.). *Sverhpovest' "Zangezi" Velimira Hlebnikova: Novaya tekstoplogiya. Kommentarij. Recepciya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustracii*. Moskva: Boslen, 2021.
- Ryabova N. "Kievskie vstrechi". *Imya etoj teme: lyubov'! Sovremennicy o Mayakovskom*. Moskva: Druzhba narodov, 1993.
- Sillov Vladimir. "Shapochnyj razbor lesov". *Novyj LEF* 11(1928): 37–44.
- Sobachij yashchik*. 2-e izd. Moskva, 1922 [na obl. — 1923].
- Stepanov Nikolaj. *Velimir Hlebnikov: Zhizn' i tvorchestvo*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1975.
- Shalamov V. T. *Novaya kniga: Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela*. Moskva: Eksmo, 2004: 52–54.
- Shugaeva N. "Chistka poetov: Stranichka iz istorii novejshej literatury". *Chitatel' i pisatel'* 3 (1928): 3.
- Vroon Ronald. *Velimir Hlebnikov's Krysa: a commentary*. Stanford: Stanford University, 1989.

Александар Парнис

ХЛЕБНИКОВ — МАЈАКОВСКИ — МИТУРИЧ: О ИСТОРИЈИ ЈЕДНОГ КОНФЛИКТА

Резиме

Чланак је посвећен конфликту, који се догодио између Хлебњикова и Мајаковског у пролеће 1922. године. Сам Хлебњиков га помиње у финалу своје последње натповести *Зангези*. Прошло је готово сто година од тада. Премда су многи истраживачи и биографи песника писали о овом конфликту, његов прави разлог је до сада био нејасан. У чланку су скупљени уникални материјали и документа, која се чувају у различитим архивима и први пут уводе у научну јавност. На пример, документа из архива Н. И. Харџијева (сада у РГА-ЛИ-ју), који је дуги низ година био «затворен» и недоступан за истраживаче. Скрупулозна анализа свих докумената дала је могућност да се покаже објективна слика ове загонетне «историје» и стави тачка над «и».

Кључне речи: конфликт, Хлебњиков, Мајаковски, П. В. Митурич, Р. О. Јакобсон, Отворено писмо, рукописи, финале, ничевоки, натповест *Зангези*.